

А если проиграешь — придётся перед всеми встать на колени, извиниться перед Сюй Анем и назвать его дедушкой.

При мысли об этом исходе у обоих по спине побежали мурашки.

Однако брови Цинь Вэньцзянь слегка нахмурились. Она вспомнила то Стихотворение о красавице из Баэнь Ясной Луны. Если его действительно сочинил Сюй Ань, то существовала огромная вероятность, что он и впрямь способен писать стихи в двух совершенно разных стилях!

В сердце женщины зародилась смутная тревога: ей хотелось предупредить Фань Мао, но в то же время она боялась ошибиться в своих догадках.

Улыбка на лице Императора Юанькана в этот момент тоже слегка застыла: «Ах ты исчадие ада, только что похвалил тебя, а ты снова принялся за своё, да?»

Видя, как лицо Фань Мао помрачнело, Юанькан поспешно с улыбкой произвел:

— Ай, этот сорванец просто обожает проказы, уважаемый старейшина Фань, не извольте принимать его слова близко к сердцу.

С этими словами он бросил свирепый взгляд на Сюй Аня и рявкнул:

— Исча... то есть, малец, хватит баловаться, чего доброго, немедленно принеси извинения господину Фасю!

Извиняться? В моей голове кружатся мириады стихотворений различных стилей и направлений, разве это можно назвать болтовней? Извиняться еще перед всякими...

Сюй Ань слегка растерялся, но сложил руки в приветствии:

— Ваше Величество, тут никак не получится извиниться! Ваш покорный слуга просто сказал правду.

— Хм! Молодой человек, в учебе нужно ступать твердо и уверенно, не стоит замахиваться слишком высоко!

Фань Мао несколько рассердился.

Он посмотрел на Императора Юанькана и произнес:

— Ваше Величество, молю, сорвите бумажные полоски с имён! Старик тоже очень хочет узнать, действительно ли это шедевр маленького герцога Сюй.

Он считал свои познания непревзойденными, а во всем литературном мире тех, кто мог бы с ним потягаться, можно было пересчитать по пальцам. Бесчисленные ученые мужи гордились тем, что смогли стать его учениками или получить от него наставление.

А теперь какой-то сопливый юнец посмел ни во что его не ставить.

Увидев, что Сюй Ань вывел Фань Мао из себя, окружающие тоже начали переглядываться с насмешливыми ухмылками.

То ведь великий конфуцианский ученый! Даже сам император вынужден выказывать ему почтение. Стоило этому парню разозлить мастера — и хорошей жизни ему больше не видать.

Лицо Императора Юанькана тоже помрачнело. Большая часть недавнего восторга испарилась. Такой прекрасный задел на победу — и всё пошло прахом из-за этих безумных выходок Сюй Аня.

Если под сорванной бумагой окажется не его имя, разве не придется снова позориться перед всеми?

Глава 23

— Исчадие ада, погоди, я тебе еще покажу!

Юанькан сердито зыркнул на Сюй Аня, протянул руку и сорвал полоску бумаги, закрывавшую подпись:

— Уважаемый старейшина Фань прав, кто автор этой «Шэн шэн мань» — станет ясно сразу, стоит лишь убрать маскировку.

— И кто бы им ни был, Я щедро вознагражу его, точно так же, как за «Оду о великой Птице Пэн»...

Он не успел договорить, как слова застряли у него в горле, а улыбка застыла на лице.

Его взгляд мгновенно метнулся к Сюй Аню — да так горяче, что казалось, будто этим взором можно было расплавить человека.

Сюй Ань!

Имя на свитке действительно принадлежало этому маленькому ублюдку!

Этот сорванец и впрямь не лгал, он действительно говорил чистую правду!

Окружающие, наблюдавшие за этой сценой, вмиг оцепенели от изумления. Их зрачки расширились с каждой секундой, а у некоторых рты открылись так широко, что туда запросто поместился бы целый кулак!

Быть того не может?!

Неужели правда?!

Неужели это и впрямь он?

И правда этот никчемный транжира?!

Он что, и правда способен писать как мощные, размашистые произведения, так и утонченно-меланхолические?

Если эта чертовщина окажется правдой, то данный тип не просто сотворил чудо — он отвесил звонкую пощёчину литературным кругам Великого Гань, литературному миру Дун Юй и, пожалуй, всей литературе Поднебесной!

Всё, чему вы учились всю свою жизнь, не стоит и гроша по сравнению с трудом какого-то избалованного повесы!

— Нет! Это не он! Абсолютно точно не он!

Чжан Аньши, Цинь Дехай, Чжао Гао и остальные в этот момент скривились в жутких гримасах, а в их сердцах бушевал и ревел яростный крик!

Проиграть Сюй Ань — значит превратить весь литературный бомонд Великого Гань в посмешище вселенского масштаба.

— Что? Действительно Сюй Ань? Как такое возможно?!

На крепостной стене принцесса Сяо Ланьэр широко раскрыла прекрасные глаза, а её прелестное личико выражало крайний шок.

Она была уверена, что прекрасно знает этого ни на что не годного Сюй Аня. Ради отмены помолвки она даже собрала все его художества и выходки прошлых лет в отдельный трактат,

чтобы использовать его как неопровержимое доказательство.

И только сейчас девушка поняла, что на самом деле совсем не знала Сюй Аня.

Лицо Цинь Вэньцзянь сделалось свинцово-серым, а глаза в упор уставились на Сюй Аня, словно пытаясь прожечь его насквозь.

На этот раз они пришли во всеоружии и, конечно же, предварительно собрали досье на молодое поколение Великого Гань. Самыми громкими именами в Цзинду были разве что Чжао Гао да Вэй Цзичжэн.

Мелкие таланты водились, но по-настоящему выдающихся не было.

Они рассчитывали на легкую и безоговорочную победу, но никак не ожидали, что на полпути откуда ни возьмись появится Сюй Ань!

Этот пресловутый столичный негодяй и злодей в одно мгновение переломил ход всего сражения.

А Фань Мао в этот момент и вовсе ошеломлен, его старое лицо выражало абсолютное неверие.

Неужели этот ганьский транжира и впрямь способен создавать стихи в двух совершенно разных стилях?

Да быть такого не может! Даже ему самому это было не под силу!

Лишь Императрица сияла довольной улыбкой. Тихонько кашлянув, она обратилась к замершему в растерянности императору:

— Ваше Величество, вы же государь, следите за лицом, пора уже прийти в себя.

Уголки губ Императора Юанькана дернулись. Подумаешь! Разве император не имеет права порадоваться?

Он обвел взглядом всех присутствующих, наконец остановил глаза на Сюй Ане и громко объявил:

— Автор «Шэн шэн мань» признается... представитель Великого Гань — Сюй Ань!

При этих словах на площади воцарилась мертвая тишина!

Мгновение спустя грянул взволмленный гул, напоминающий раскат грома.

— О боги, неужели и впрямь он?! Неужели правда он?!

— Как такое возможно? Забыли о справедливости, небеса слепы!

— Подобный повеса выиграл поэтическое состязание... Куда теперь деваться ученым мужам всей Поднебесной?!

...

Толпа зашумела, превратившись в сплошной хор стонов и жалоб.

У Чжан Аньши и Цинь Дехая внезапно подкосились ноги, и они рухнули прямо на землю.

Конец!

На этот раз всё кончено.

Глава 24

Услышав эти стоны, Сюй Ань помрачнел.

— Эй-эй-эй, вы что имеете в виду? Признавать поражение не умеете, что ли?

Сюй Ань обвел собравшихся раскрытым веером и заявил:

— Я же давно говорил: в искусстве стихосложения я, Сюй Ань, скромно занимаю второе место, так что первого во всей Поднебесной просто не существует. А вы не верили.

— Ну что, теперь поверили?

Окружающие в упор смотрели на него, пылая праведным гневом!

Особенно Чжао Гао, Вэй Цзичжэн и прочие — те были готовы разорвать его на куски голыми руками.

Поверили?!

Да с твоей-то репутацией, Сюй Ань, только безумец поверит!

На крепостной стене прекрасное личико Сяо Ланьэр, на котором только что мелькнула тень улыбки, вновь заледенело.

Негодяй! Даже если у тебя и впрямь есть кое-какие таланты, я, Сяо Ланьэр, всё равно никогда за тебя не выйду. Мой мужчина должен быть опорой для неба и земли, а не таким вертлявым повесой...

Цинь Вэньцзянь сжала кулаки, ее личико посинело от злости: они проиграли, проиграли подчистую.

Все их тайные замыслы в этой поездке рассыпались в прах.

— Не унывай. Похоже, все эти годы Великий Гань искусно прятал его истинное лицо, но до тебя ему всё равно далеко.

Стоявший рядом Юйвэнь Ху с улыбкой попытался ее утешить.

Хотя он и произнес эти слова, во взгляде, которым он смотрел на Сюй Аня, уже отчетливо читалось убийственное намерение.

Цинь Вэньцзянь закусила губу и промолчала.

Не дорос?

Разве может человек, способный создавать столь бессмертные поэтические шедевры, оставаться мелкой рыбешкой в пруду?

— Ха-ха-ха... Ха-ха-ха...

А счастливее всех в этот момент был, пожалуй, Сюй Сяо.

Исход решен, а значит, императорский запрет автоматически утратил силу. Старый Сюй тут же подпрыгнул на три чжана ввысь, а его хохот сотряс небеса.

— Видали? Вы все видали? Он! Он — мой, Сюй Сяо, сын!

Он тыкал пальцем в Сюй Аня, и этот его безумный вид превосходил бахвальство самого Сюй Аня раз в сто.

— Кто там смел утверждать, что мой сын — никчемный повеса? Да вы все, книгочеи этикие, вместе взятые, только что были раскатаны им в одиночку! Ха-ха, ну признавайтесь, признаете поражение? Признаете али нет?!

— Кто еще не согласен?! Выходи, мы с сыном быстренько научим уму-разуму!

Окружающие буравили Сюй Сяо яростными взглядами, но от гнева лишь кипели внутри, не смея произнести ни слова.

ТЬфу! Отец — круглый дурак, немудрено, что и сынок вырос таким же отморозком.

И верно говорят: рыба гниет с головы.

Лицо Сюй Аня слегка скривилось от острого приступа стыда.

Он потер нос и с неловкой улыбкой пробормотал:

— Батя, потише... давай потише, нужно побеждать и при этом оставаться скромными...

— Какая к черту скромность!

Сюй Сяо грубо оборвал сына:

— Отец столько времени терпел, неужели нельзя дать выход пару? Ты, сопляк, вечно слишком робок, к чему с ними языком трепать?

— Будь на моем месте, я бы давно пустил в ход кулаки!

— Если кто-то сейчас еще посмеет пискнуть, я прикажу войскам окружить его дом и прогнать коней десять кругов!

Уголки губ Сюй Аня слегка подернулись. Батя, да ты же открыто угрожаешь людям, мы же должны побеждать добродетелью!

Император Юанькан бросил косой взгляд на стоящего рядом Сюй Сяо и едва сдержался, чтобы не спихнуть того пинком с помоста: ты же главнокомандующий армиями Великого Гань, имей совесть, веди себя прилично!

Тебе-то плевать на собственную репутацию, но у Великого Гань лицо тоже имеется!

— А ну заткнитесь оба, отец и сын!

Юанькан гневно прикрикнул на парочку, после чего повернулся к позеленевшему Фань Мао и с виноватой улыбкой произнес:

— Старейшина Фань, не извольте гневаться, эти двое всегда такие, видит небо, я их слишком избаловал.

— В сегодняшнем состязании наша молодежь одержала победу лишь по чистой случайности. Уверен, под вашим чутким руководством юноши из Дун Юй в следующий раз непременно отыграются.

При этих словах дыхание Фань Мао участилось настолько, что он чуть не плюнул императору в лицо.

Да я же всего пару раз подколот тебя! Ты же император, нельзя ли быть чуточку великодушнее? Обязательно тыкать ножом в открытую рану и сыпать туда соль?

Что еще за «отыграются в следующий раз»?!

Глава 25

После таких стихов и песен кто посмеет в ближайшие несколько десятилетий тягаться с Сюй Анем в поэтическом искусстве?

— Благодарю Ваше Величество, наши сыны Дун Юй непременно запомнят сегодняшний день...

Фань Мао тяжело сжал руки в кулаки, а внутри у него всё клокотало от ярости.

Он лично возглавил делегацию именно для того, чтобы навести ужас на конфуцианцев Великого Гань — в конце концов, даже Чжао Сю, почитаемый главой всех ученых Поднебесной, испугался и сбежал на Северные Ди.

И тем не менее Дун Юй в конце концов проиграл! Проиграл какому-то ничтожному малолетке!

Для него это было величайшим позором.

Вернувшись в Дун Юй, он неминуемо подвергнется жестокой критике местных литераторов, его репутация панет ниже плинтуса, и еще бабушка надвое сказала, удастся ли ему вообще удержать свой высокий пост.

— Прекрасно, с нетерпением буду ждать следующей схватки между нашими юношами.

Юанькан больше не стал тратить на него слова, взмахнул рукавом и перевел взгляд на Сюй Аня:

— Сюй Ань, ты справился отлично. Я обещал щедрую награду — говори, чего тебе хочется?

— Всё, что назовешь, будет твоим!

Защитить литературную удачу Великого Гань и сокрушить спесь Дун Юй — это поистине колоссальная заслуга.

За один только этот подвиг его можно было смело пожаловать в маркизы.

Глаза Сюй Аня загорелись: «Ого, вот это отлично! Тогда перестаньте уже донимать меня по всяким пустякам, а?»

Позвольте мне спокойно и безмятежно проматывать семейное состояние, счастливо заколачивать деньгу и увиваться за красотками — разве это не блаженство?

К сожалению, такие мысли можно было держать только в голове. Скажи он это вслух при всем честном народе, император, пожалуй, взбесился бы прямо на месте, а императрица отходила бы его палкой.

Эх, ладно.

Эту тему придется обдумать как следует на досуге, а пока что... пожалуй, лучше уступить всю славу Наследному принцу.

Ваше Высочество, иметь такого хорошего друга, как я — поистине великое благословение для вас!

— Ваше Величество, избиение дунъюйского посольства — мы с братвой были лишь исполнителями, простыми бугаями, — Сюй Ань склонил голову перед императором.

— Настоящим мозгом этой операции был Наследный принц.

— Если мне и удалось так быстро написать стихотворения, то лишь потому, что Его Высочество заранее угадал темы, перебрав все возможные варианты вопросов, которые могло задать посольство Дун Юй...

— О-о-о...

Стоило прозвучать этим словам, как по рядам пронёсся разочарованный шепоток, а лица зрителей озарились озабоченным пониманием.

Оказывается, за кулисами всем заправлял Наследный принц! То-то же, с чего бы этому никчемному транжире обладать подобной мудростью?

А вот Наследный принц человек высокообразованный, с безупречной репутацией мудрого правителя — он вполне способен провернуть такое дело.

Услышав этот гул разочарования, Сюй Ань чуть не подпрыгнул на месте: «Вашу ж матушку, какое еще „о-о-о“?! Если бы не долгосрочные планы, я бы вас всех заставил еще триста раундов со мной состязаться!»

Но сейчас... придется стерпеть!

Лицо Императора Юанькана слегка задергалось: «Ах ты исчадие, какое еще „избиение“? Нельзя ли выразаться чуть более изысканно?»

Но в глубине глаз плескалось искреннее удовлетворение.

Сяо Юаньлан палец о палец не ударил, но благодаря паре фраз Сюй Аня главным бенефициаром всей истории стал именно он.

Когда эта весть разойдется повсюду, пусть даже имя Сюй Аня прогремит на весь мир, каждый всё равно будет поднимать большой палец вверх исключительно в адрес Сяо Юанькана. Ведь именно его мудрый расчет позволил Великому Гань одержать сокрушительную победу в битве литературных удач против Дун Юй!

Благодаря этому авторитет и слава Наследного принца взлетят до небес, конфуцианцы Поднебесной осыплют его хвалебными одами, и его положение на троне станет еще прочнее.

Тот, кто умирляет Поднебесную — Сюй Сяо, а тот, кто возвышает — Сюй Ань... Похоже, тот старый даос-небоугодник вовсе меня не обманул.

Отец и сын из клана Сюй — поистине верные мне слуги!

Император Юанькан громко рассмеялся:

— Отлично! Наследный принц справился великолепно, вы оба молодцы, все будут щедро

награждены!

Сяо Юаньлан и раньше испытывал перед Сюй Анем определенные угрызения совести, а услышав слова императора, почувствовал себя еще более виноватым.

Но раз уж зашло так далеко, он не мог пренебречь доброй волей друга.

К тому же сейчас настал его звездный час.

Иначе он просто растоптал бы ту прекрасную возможность, которую так старательно создал для него Сюй Ань.

Сяо Юаньлан вышел вперед и почтительно поклонился:

— Благодарю Отец-Император, сын мой лишь давал подсказки, а стихи слагал сам Сюй Ань, так что я не смею присваивать себе чужие заслуги.

С этими словами он повернулся к Фань Мао:

— Раз уж исход состязания решен, позвольте спросить, изволят ли уважаемый старейшина Фань и посольство Дун Юй войти в город?

Фань Мао сгладил застывшую гримасу, погладил бороду и с улыбкой произнес:

— Войти в город, разумеется, воидем. Однако у старика есть еще один вопрос, интересно, сможет ли Его Высочество найти на него ответ?

Глаза Юанькана сузились: «Старый вор Фань, у тебя вообще есть стыд? Проиграла молодежь, так ты решил сам влезть в драку?»

Глава 26

Сюй Аня тут же перекосило от злости, и он решительно встал перед Сяо Юаньланом.

— Эй, старик Фань, вы что, играть не умеете? Мелюзгу побили, так теперь старшие полезли, да?

Фань Мао поглаживал длинную бороду, глядя на Сюй Аня с улыбкой, но молчал.

Видимо, он считал, что Сюй Ань просто не дорос до уровня собеседника, достойного его

ответов.

Кун Минчжэнь, наставники Гоцзыцзяня и многочисленные ученые мужи Великого Гань — все как один уставились на Фань Мао с крайне мрачными лицами.

— Господин Фань, что это значит?

Кун Минчжэнь буравил его взглядом:

— Вы — великий конфуцианский ученый, образец для подражания всей ученой братии Поднебесной. Разве пристало вам лично вступать в бой и задирать молодежь?

— Ай, ректор Кун слишком сгущает краски, разве можно называть это притеснением?

Фань Мао махнул рукой и, продолжая поглаживать бороду, пояснил:

— Только что мы все воочию убедились в выдающемся мастерстве маленького герцога Сюй в поэзии, и это пробудило у старика величайший интерес к талантам Великого Гань.

— Полагаю, у меня самого найдется кое-какие познания, а потому я хотел бы задать один-единственный вопрос. Пусть он послужит проверкой сердец: интересно, каков моральный дух у молодежи Великого Гань? Если обнаружатся изъяны, старик всегда готов дать пару полезных советов.

Услышав это, Сюй Ань едва не заработал скачок давления.

Только посмотрите на этого старого лиса!

Он явно намерен отхлестать вас по щекам, но формулирует всё так безупречно, что не к чему придраться, да вы еще и сами радостно подставите ему лица.

Этот старик — эталон для всех конфуцианцев Поднебесной. Сколько же молодых ученых отдали бы всё на свете ради хотя бы одного его наставления!

Кун Минчжэнь и остальные тоже мгновенно лишились дара речи. Их лица позеленели, но они больше не могли найти ни единого аргумента для возражения.

— Ваше Величество, а что думаете вы?

Фань Мао с улыбкой повернулся к Императору Юанькану, испрашивая его мнения.

«Что я думаю? Разве у меня есть выбор — отказаться?»

Откажись он — и весь литературный мир тут же заклеямит его позором, обвинив в глупости и тирании!

— Разумеется, никаких препятствий нет. Для нашей молодежи огромная честь получить совет от уважаемого старейшины Фаня, — с улыбкой отозвался Император Юанькан.

— Прекрасно. Тогда старик задает вопрос.

Фань Мао с улыбкой сделал пару шагов вперед и обвел взглядом собравшихся:

— Мой вопрос предельно прост: скажите, ради чего вы учитесь?

При этих словах все конфуцианцы Великого Гань погрузились в глубокие раздумья.

Даже император слегка прищурил глаза: вопрос казался элементарным, но дать на него поистине достойный ответ было ох как непросто.

Кун Минчжэнь и целая армия ганьских ученых мужей тоже молчали.

Даже у них не было абсолютно верного ответа на этот вопрос.

Мгновение спустя.

Взгляд Фань Мао упал на Вэй Цзичжэня, и он с улыбкой произвел:

— Если не ошибаюсь, тебя зовут Вэй Цзичжэн? Поведай старику, каков твой ответ?

Он намеренно не стал обращаться к наследному принцу сперва — всё должно идти своим чередом.

Вэй Цзичжэн никак не ожидал, что Фань Мао выберет именно его. Его лицо озарилось триумфальным волнением, он почтительно сложил руки:

— Отвечаю уважаемому старейшине: я провел десять лет за книгами в холодной келье лишь ради того, чтобы высечь свое имя на золотой доске списков!

Большинство студентов на площади согласно закивали — они думали ровно так же.

Фань Мао покачал головой, и в глубине его глаз мелькнула тень презрения.

Столь мелководные стремления! Первый талант столичного круга Великого Гань оказался донельзя разочаровывающим зрелищем!

Однако на лице по-прежнему играла мягкая, благожелательная улыбка.

— Что ж, десять лет одиночества в учебе ради одного мига славы на всю Поднебесную... Амбиции, безусловно, присутствуют, но слишком уж силен расчет на выгоду.

— Излишняя спешка ради личного успеха лишь заставит тебя сбиться с истинного пути. Юноша, тебе нужно успокоить сердце и продвигаться шаг за шагом — вот единственно верный путь.

Услышав это, многие одобрительно закивали, принимая вид прилежных учеников.

Вэй Цзичжэн на мгновение умолк, а затем почтительно поклонился:

— Ученик осознал свои ошибки. Благодарю старейшину за наставление, впредь я буду грызть гранит науки усердно и неуклонно, избегая любых срезаний пути.

— Вот это отрадно слышать.

Фань Мао сиял довольством, наслаждаясь производимым эффектом.

Глава 27

«Твою мать, а этот старый хрыч умеет подать себя!»

Сюй Ань ощутил легкое раздражение: «И это всё? Да с таким арсеналом я сам сойду за великого конфуцианского ученого».

Уж чего-чего, а дешевой психологической болтовни у него в запасе — завались.

Взгляд Фань Мао скользнул дальше и остановился на Чжао Гао:

— А что скажет младший герцог Чжао? Зачем учишься ты?

Чжао Гао уже перенял от отца половину житейской мудрости, а в подобной ситуации было жизненно необходимо польстить императору, чего бы это ни стоило.

Он шагнул вперед и сложил руки:

— Отвечаю уважаемому старейшине: я учусь лишь для того, чтобы, подобно моему отцу, разделять заботы Его Величества и решать государственные проблемы.

— О? У юного герцога поистине грандиозные амбиции и четкие цели.

Фань Мао с улыбкой посмотрел на Чжао Гао:

— Твой отец — человек весьма ученый, под его началом твое будущее будет поистине безграничным, так что старику нечему тебя учить.

Уголки губ Чжао Гао расплылись в довольной улыбке:

— Благодарю за похвалу, уважаемый старейшина.

Императора Юанькана едва не хватил удар: «За что ты его благодаришь, дурень тупиковый?! Ты что, не уловил скрытой насмешки?!»

Будь твой отец и вправду так умен, стал бы он при вести о прибытии этого самого Фань Мао вымаливать указ отправить его послом к Северным Ди?

Какое еще «будущее безгранично»? Он же прямым текстом назвал твоего папашу трусливым и бездарным ничтожеством, которого хватило ровно на то, чтобы вырастить такого же никчемыша, и даже не удостоил тебя парой толковых советов! А ты еще стоишь тут и благодаришь!

Кун Минчжэнь и целая рать ганьских ученых мужей тоже посинели от злости, готовые наброситься на Фань Мао и прервать этот фарс.

Разве вопрос Фань Мао был сложным? Ничуть, проще некуда.

Но вся ловушка кроялась именно в этой простоте — настолько примитивной, что даже если бы они, старики, попытались вступить с ним в спор, Фань Мао с легкостью разгромил бы их парой правоучений.

И тогда по всей Поднебесной разнесется молва: мол, ведущие конфуцианцы Великого Гань объединили усилия, но в учености всё равно уступают одному лишь Фань Мао.

Вот тогда-то литературные круги Великого Гань покроют себя несмываемым позором.

<http://bllate.org/book/19190/1884731>